

Любовь

ЧТО О НЕЙ ДУМАЮТ
ФИЛОСОФЫ

Платон / Рене Декарт / Бенедикт Спиноза
Фридрих Ницше / Эрих Фромм и другие

Эрих Фромм
Платон
Фридрих Вильгельм Ницше
Наталья Николаевна Плужникова
Любовь. Что о ней
говорят философы
Серия «Понятная философия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70115164
Фридрих Ницше, Эрих Фромм: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-155272-5

Аннотация

На тему любви написаны тысячи книг и сказано такое множество слов, что одному человеку невозможно объять все их количество. Осмыслить ее как целостный духовный феномен, стало возможным благодаря философии. Первые попытки рационального осмысления любви были предприняты в Античности: Сократ считал, что истинная любовь вдохновляет человека на поиск истины, способствует духовному росту и преодолению эгоистических устремлений. Платон первым составил ее классификацию, определив виды. Его концепция стала источником для западноевропейской философии, которая

разделила любовь на земную и духовную. Христианское учение выдвинуло на первый план самопожертвование и милосердие: Августин Блаженный соединил христианский идеал любви с неоплатоническим учением. В эпоху Возрождения Декарт перенес область любви в сферу аффектов и страстей человека, а Кант придал ей статус нравственной категории. Революционное значение в понимании природы понятия внес Фрейд, который свел любовь к либидо. Фромм считал ее социальным феноменом, способом преодоления одиночества и формой взаимодействия с другими людьми. Оригинальная концепция любви была создана и в русской философии благодаря идеям В. Соловьева, Н. Бердяева и др., видевших в ней принцип организации бытия, приносящий гармонию и благо человечеству.

Содержание

Предисловие	6
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**авт. – сост. Наталья
Плужникова
Фридрих Ницше,
Эрих Фромм**

© Н.Н. Плужникова, автор-составитель, 2024

© Издательство АСТ, 2024

*** * ***

Предисловие

На тему любви написаны тысячи книг и сказано столько слов, что невозможно объять, наверное, все их количество силой человеческого мышления. Нет единого определения любви, но многообразие интерпретаций понятия любви говорят нам о разноплановости и многоликости этого феномена. Самые яркие образы любви можно найти в мировой и отечественной литературе. Например, образы Ромео и Джульетты, или Тристана и Изольды, или Руслана и Людмилы. Однако осмыслить любовь как целостный духовный феномен, который представлен во всем многообразии, стало возможным в философской традиции. Именно философия позволяет нам взглянуть на любовь вдумчиво, представляя ее как бриллиант, сияющий множеством граней.

Любовь предстает в качестве фундаментальной универсалии культуры, которая позволяет увидеть глубину человеческой природы и человеческих чувств. Любовь есть всегда стремление того, кто охвачен чувством, возвести объект обожания в максимальную ценность и важнейшую жизненную детерминанту. Как в мировой, так и в отечественной философии объектом любви выступает не только отдельный человек, но и семья, Родина, природа, Бог, мир в целом.

Наиболее ярко целостный характер понимания любви проявился в русской философии. Русские мыслители связы-

вали любовь не только с богатством души, но и с богатством национальных традиций. В творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, как и у других русских религиозных мыслителей, любовь выступает необходимым условием человеческой жизни. Отечественные философы подчеркивают деятельный характер любви, которая творит и преобразует человека, проявляется в его поступках и отношении не только к другому человеку, но и к самому себе.

Что касается различных философских подходов в понимании феномена любви, то европейская культурная традиция в этом особо не отличалась от культурных традиций Древнего Китая и Индии. Любовь и на Востоке, и на Западе изначально понималась как космообразующий принцип мироздания. Об этом свидетельствует многообразие бинарных мифов о сотворении мира, о прародителях космоса и Вселенной, всего существующего порядка. В древнегреческой мифологии это Уран и Гея, в древнеиндийской – Пуруша и Пракрити, в древнекитайской – Инь и Ян. Сакральное единство двух начал в древних мифологических системах порождает из первородного хаоса космос, структурирует мир. Таким образом, гармония и любовь противоположностей составляют основу рождения мира как упорядоченного космоса, а любовь становится организующим принципом мироздания.

Если в мифологических системах любовь еще не становится предметом осмысления, то первые ее классификации

и типы были предложены античной философией. Концепция Платона сыграла ключевую роль в определении понятия и создании первой классификации любви. Данная концепция стала источником для западноевропейской системы понимания любви в целом на основе античной традиции ее разделения на земную (плотскую) и духовную (небесную). Такая дихотомия получила развитие в различных вариациях и интерпретациях последующих поколений философов.

Думается, что в настоящее время, которое, как и начало XX века, характеризуется экзистенциальными и общечеловеческими кризисами, глобальными эпидемиями, человечество испытывает острый дефицит этого чувства. Философская мысль в этом плане может стать определенным утешением и средством обогащения, насыщения опустошенного внутреннего мира современного человека, так остро нуждающегося в любви. Любовь – это неизменный духовный принцип, присущий природе человека, который направляет и упорядочивает ее, способствует социализации человека, освоению культурных норм и норм взаимодействия с другими людьми. Любовь позволяет человеку чувствовать не только другого, но и самого себя, чувствовать себя человеком. Вместе с тем любовь – это ценностный принцип, определяющий существование не только внутреннего мира отдельного человека, но и семьи, и страны, и общества вообще. Поэтому любовь представляет собой сложный и многоаспектный феномен, специфика которого состоит в диалекти-

ческом единстве противоположных начал: индивидуально-го и социального, телесного и духовного, земного и космического. Этим обусловлено многообразие подходов к понятию любви в историко-философской и культурной традициях, многообразие ее типологий и классификаций, которые предложены читателю в настоящей работе.

Любовь в античном мире

Первые попытки рационального осмысления феномена любви в европейской культуре мы находим в античной философии, в Древней Греции и Древнем Риме. Безусловно, мифологические сюжеты о любви существовали и в Древнем Китае, Древней Индии, Месопотамии и Древнем Египте. Однако именно античная культура попыталась описать любовь не просто как часть жизни отдельного человека. Она представила любовь в качестве особенного феномена, который принадлежит не только индивидууму, но и структуре бытия в целом.

Философия, находившаяся в центре античной культуры, давала представление о любви как важной сфере жизни, в которой человек может достичь более высокого уровня понимания мира. Любовь рассматривается как духовная сила, которая способна изменить и преобразить человека, обозначить его как личность. Впервые на это обратил внимание известный греческий философ Сократ, который считал, что истинная любовь вдохновляет человека на поиск истины, способствует духовному росту и преодолению эгоистических устремлений.

В античности любовь рассматривалась также и как осо-

бая эстетическая категория. Античные философы Платон и Аристотель говорили о связи любви с прекрасным. Так, согласно Аристотелю, любовь может воспламенить и вдохновить художника на создание произведений, отражающих красоту мира. Ведь в любви заложен потенциал, особая энергия, позволяющая человеку раскрыть и высвободить свой природный талант, раскрыть себя в творчестве.

Одно из наиболее известных выражений любви в античной философии – это понятие эроса (Эрота, как называли его древние греки). В античной культуре эрос рассматривался в целом как стремление к объединению с кем-то или чем-то извне для обретения полноты и гармонии. Эрос – это не только эмоциональное состояние; это то, что способствует самопознанию и достижению высшей истины.

Рациональное понимание феномена любви и первая ее классификация на отдельные виды в античной философской традиции восходит к Платону. До Платона о любви писали и другие древнегреческие философы (Гиппократ, Демокрит, Сократ). Однако именно у него мы встречаем первое целостное понимание любви и ее типологию, связанную с философской теорией идей.

Согласно Платону, существует идеальный и совершенный мир – мир идей (мир образов), который оформляет земной мир (мир несовершенный) по своему образу и подобию. Для объяснения различия между двумя мирами, идеальным и материальным, Платон использует так называемый «Сим-

вол пещеры», уподобляя земную жизнь человека пребыванию в пещере:

«Посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная – глянь-ка – невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Станный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, этого не думаю.

– Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх, в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь

и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает.

– А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

– Да, это так.

– Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору, и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

– Да, так сразу он этого бы не смог.

– Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

– Несомненно.

– И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

– Конечно, ему это станет доступно.

– И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере»¹.

Мир идей, по Платону, в отличие от несовершенного, земного мира – мира «в пещере» – так отдален от органов чувств, что постигнуть его можно только посредством разума, который позволяет созерцать прекрасное. Согласно Платону, это созерцание подвластно лишь тому, кто влечен любовью – Эросом:

«Прекрасное предстанет пред ним само по себе, будучи единообразным с собою, тогда как все остальные прекрасные предметы имеют в нем участие таким примерно образом, что они возникают и уничтожаются; оно же, прекрасное, напротив, не становится ни большим, ни меньшим и ни в чем не испытывает страдания. Цель же эта

¹ Платон. Сочинения в 4 т. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 349–351.

состоит в том, чтобы правильным путем идти или дать себя вести другому к “эротическим” делам: начиная от тех [одиноких] прекрасных предметов, постоянно восходить вверх ради этого [высшего] прекрасного, поднимаясь как бы по ступенькам, от одного прекрасного тела к двум, от двух ко всем вообще прекрасным телам, а от прекрасных тел к прекрасному образу жизни; от прекрасного образа жизни к прекрасным знаниям, наконец, от знаний к тому знанию, которое является знанием не чего-либо иного, но знанием того [высшего] прекрасного – все это для того, чтобы познать в конце концов, что такое прекрасное»².

Таким образом, для Платона созерцание прекрасного есть восхождение принципа любви от прекрасного тела к красоте души, далее – к философии и наукам и, наконец, к прекрасному как к благу. Любовь, ведущую человека к созерцанию прекрасного как блага, Платон называет Афродитой Уранией (Небесной), существование которой невозможно без Эроса (Эрота). Ведь Эрот по Платону был зачат в праздник Афродиты, поскольку ее рождение знаменует появление прекрасного, пробуждающего в человеке любовь. Именно любовь оплодотворяет жизненные потребности человеческой природы и устремляет ее к благу.

Общеизвестно такое понятие, как «платоническая» лю-

² Платон. Пир. М.: Российская Государственная Академическая Типография. Главлит № 4482, 1922. С. 60.

бовь. Действительно, это понятие принадлежит Платону, отсюда и название. Платон впервые использовал его в диалоге «Пир». Один из участников этого диалога, Павсаний, говорит об этом виде «благородной любви»:

«Самый смысл индивидуальной жизни состоит в том, чтобы участвовать в жизни всего человечества, в общей работе, стремящейся к сохранению в нем не только телесного существования, но и существования духовного. Смысл всех наших стремлений в осуществлении последнего в нас и посредством нас. К этому ведет Эрот, в этом сущность любви»³.

«Платоническая» любовь, по Платону, есть любовь духовная, вечная и небесная. Эта любовь жизненно важна для человека, она есть свидетельство бессмертной части души. Она возвышает человека над всем земным. В объяснении данного вида любви Платон проводит дихотомию между земной, плотской любовью и духовной, вечной. Высшей формой такой любви выступает у Платона однополая любовь, поскольку в Древней Греции любовь между мужчинами была распространенным явлением. Вероятно, они восприняли эту форму с Востока, в частности из Персии. В самом «Пире» любовь представлена в виде Эрота, который и выступает как олицетворение любви между мужчинами.

³ Платон. Пир. М.: Российская Государственная Академическая Типография. Главлит № 4482, 1922. С. 9.

В самом древнегреческом значении «Эрос» означает «желание» в смысле любовной страсти, стремлении обладать объектом любви как в духовном, так и в сексуальном плане (отсюда название «эротика»). Можно сказать, в современном понимании, что это не столько любовь, сколько зависимость от другого человека, влечение к нему как всепоглощающему объекту. Поэтому древние греки называли эрос еще «безумной любовью».

Истинной любовью, по Платону, является «филия» – бескорыстное принятие и уважение к другому как к значимому и ценному человеку, партнеру. В этом смысле это любовь к родителям, детям, друзьям, к знаниям (отсюда слово философия как «любовь к мудрости»). Это любовь, у которой нет причин и повода для существования. Ведь родителей и детей любят не за что-то конкретное, а *любят, потому что просто любят.*

Однако и сам этот вид любви подразделялся на множество подвидов и назывался у древних греков по-разному:

«“Филия” – это не столько любовь, сколько влюбчивость (“филерастия”). Остальные виды “филии”: любовь к отцу (“филопатор” – “любящий своего отца”), любовь к матери (“филомэтэр” – “любящий свою мать”), любовь к детям (“филопайс” – “детолюбивый”), любовь к братьям и сестрам (“филадельфия”, от “адельфос” – “брат” и “адельфэ” – “сестра”), любовь к своим товарищам (“филетайрия”), к друзьям (“филофилия”), вообще дружелюбие

(“филофронэсис”), любовь к своему родному городу (“филополия”), к своим согражданам (“филополитэс” – “любящий своих сограждан”), любовь к своему отечеству (“филопатрия”), любовь к своей родине – Греции, преданность ей (“филэллин” – любящий Грецию, Элладу), любовь к народу (“филодэмос” – “народолюбивый”), любовь к человеку (“филантропия”).

“Филия” – любовь к наслаждению (“филэдония”), к славе (“филодоксия”), к власти (“филархия”). Это любовь к свободе (“филелеутерон”), но любви к несвободе, к рабству у древних греков не было, хотя было “филотюраннос” – “стоящий на стороне тиранов, приверженец тирании”. “Филия” – любовь к прекрасному (“филокалия”) – любви к безобразному не было; любовь к добродетели, к добру, к доброте (“филагатос”), но возможно и стремление к пороку (“филопонэрос” – “тяготеющий к пороку” в отличие от “филаретос” – “любящий добродетель”). “Филия” – любовь к правде, к истине (“филалетейя”), но возможна и любовь ко лжи (“филопсеустия”).

“Филия” – любовь к деятельности (“филергия”), труду (“филопония”), к земледелию (“филогеоргия”), к искусствам, ремеслам (“филотехния”), любовь к музам, т. е. также любовь к наукам и искусствам (“филомусия”). Это также любовь к богатству (“филоплутия”), жадность к деньгам (“филохрэматия”), страсть к наживе, корыстолюбие (“филокердея”).

“Филия” – любовь к общению (“филокойнос” –

“любящий общение”) и любовь к одиночеству (“филеремос” – “любящий одиночество”).

“Филия” – любовь к своему телу, т. е. тщательный уход за телом (“филосоматон”), любовь к самому себе (“филоаутос”), любовь к своей душе, к своей жизни (“филопсюхея” и “филодзоя”), однако это осуждалось как чрезмерное жизнелюбие, жалкая привязанность к жизни, как источник трусости и рабства»⁴.

В древнегреческом языке есть и такие виды любви, как «агапе» (жертвенная любовь, любовь милосердная), «сторге» (нежная любовь, любовь с вниманием к своим близким и родным людям), «людус» (любовь-состязание). Все эти разновидности любви эмоционально окрашены, кроме «прагмы» – любви по расчету, которая удовлетворяет ум человека, служит его разуму. Все эти виды любви можно отнести, выражаясь современным языком, к конструктивным и «здоровым» для человека.

Однако в древнегреческом языке было обозначение и вида «нездоровой» любви – «мании». Ее название произошло от имени древнегреческой богини безумия – Мании. Любовь как «мания» означало любовь-безумие, одержимость. Это также вид любви, зависимой от своего объекта, который может вызывать у любящего психическое расстройство, безумие, ревность, глубокую душевную боль.

⁴ Чанышев А. Н. Любовь в античной Греции // Философия любви. Ч. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 45–46.

В диалоге «Пир» Платон представляет идею любви как проявление безусловно истинной красоты. Согласно Платону, идеальная любовь должна привести к достижению высшего знания, а именно – к познанию идеальных форм, которые находятся за пределами материального мира:

«А что любовь вожделеет к бессмертному, равно как и к благу, неизбежно следует из того, в чем мы пришли к соглашению, а именно, что любовь постоянно стремится к обладанию благом. Отсюда непреклонно следует, что она стремится также и к бессмертию»⁵.

Исходя из представленных определений, мы видим, насколько многозначным было понятие любви в греческом языке и греческой культуре в целом. Однако о любви писал также Аристотель и некоторые представители позднего периода развития греческой культуры – эпохи эллинизма.

Аристотель близок к Платону в понимании любви как блага. Однако он почти не упоминает о любви-Эросе, в отличие от Платона. Для Аристотеля любовь в своем значении – это «филиа», то есть любовь как дружба к другому человеку, принятие его как равного себе. Такая любовь построена на взаимности и желании блага для другого человека:

«Итак, люди любят ради трех причин, любовь же к неодушевленным предметам не называется дружбой, ибо здесь нет взаимности и желания блага предметам:

⁵ Платон. Пир. М.: Российская Государственная Академическая Типография. Главлит № 4482, 1922. С. 55.

ведь смешно же желать блага вину; если здесь желание имеет место, то лишь желание сохранить вино, чтобы владеть им. Другу же, говорят, следует желать всяких благ ради него самого. Людей, желающих ему таким образом блага, называют расположенными к нему, если последний не отвечает тем же, ибо взаимное расположение называется дружбой, но должно еще прибавить расположение, не оставшееся скрытым, ибо многие расположены к людям, которых не видали, но которых они считают благородными и полезными людьми, и может случиться, что кто-либо из последних чувствует подобное же расположение к первым. Такие люди расположены друг к другу, но как их назвать друзьями, если им не известно взаимное их отношение между собою? Итак, дружба, возникающая из одной из вышеприведенных причин, предполагает взаимное расположение и желание блага, известное каждой из сторон»⁶.

Согласно Аристотелю, любя друга, мы любим собственное благо, ибо хороший человек, став нашим другом, становится благом, поскольку мы его любим. Таким образом, каждый в дружбе любит собственное благо и воздаёт равным как относительно желаний, так и относительно приятного себе. Поэтому дружественность по Аристотелю называется равенством, а последнее более всего бывает между хорошими людьми.

⁶ Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 157.

Однако не следует по Аристотелю отождествлять любовь и дружбу. Любовь – это чувство, которое способствует установлению уважительных и доверительных отношений. Любовь в дружбе есть истинная добродетель. Однако, согласно Аристотелю:

«Дружба родственников имеет аналогию с этой братской любовью. Любовь же мужа к жене основана на физических условиях: природа сделала человека настолько более склонным к браку, чем к государственному общению, насколько семья по возникновению раньше и необходимее государства; стремление к рождению детей общее всем животным, остальные животные настолько и вступают в общение; люди же создают общение не только ради деторождения, но и ради жизни вообще. Назначение мужа и жены в общении тотчас становится различным; они взаимно дополняются, принося в общение каждый свое специальное [назначение и качество]. Поэтому-то брачное общение содержит в себе как приятное, так и полезное. Если оба – хорошие люди, то принципом их дружбы может быть и добродетель, и они, имея каждый свое назначение, станут наслаждаться одним и тем же. Кажется, что дети служат связующим их звеном, почему бездетные браки легко разъединяются, ибо дети – общее обеим сторонам благо, а общее связывает»⁷.

⁷ Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 172.

Таким образом, Аристотель практически не делает различия между дружбой родственников и братской любовью. Также для Аристотеля любовь не может быть пассивной, иначе она превращается в безответную любовь. Любовь – это всегда деятельность, долгое строительство отношений двух людей, идущих навстречу своей взаимности по отношению друг к другу:

«Любовь, кажется, есть деятельность, а быть любимым есть нечто пассивное; поэтому-то любовь и то, что свойственно дружбе, оказываются по преимуществу на стороне действующих. Наконец, все люди по преимуществу любят то, что им стоило многих трудов, как, например, деньги любят больше те, которые их сами приобрели, чем получившие их по наследству; а испытывать благодеяния, кажется, не трудно, оказывать же – трудно; в силу того же и матери любят своих детей больше, чем отцы: на долю первых при рождении выпадает более тяжкий труд; к тому же они более уверены в том, что дети происходят действительно от них. Кажется, что это обстоятельство имеет применение и к благодетелям»⁸.

Также Аристотель выделяет любовь в качестве заботы о себе, любовь к собственному разуму. Ничего общего эта любовь с эгоизмом не имеет, поскольку эгоист не думает о других, а лишь о себе. Однако любовь к другому начина-

⁸ Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 187–188.

ется с любви к себе, но не замыкается на себе, а отдается другому:

«Тот человек наибольший эгоист, который любит разум и служит ему. Точно так же тот человек называется владеющим собою, в котором господствует разум, и тот не владеющим, в котором он не господствует, так как разум и есть сущность человека, и те действия считаются по преимуществу принадлежащими человеку и произвольными, которые суть результат размышления. Итак, ясно, что человек и есть именно этот разум или по преимуществу он и что нравственный человек более всего любит разум; потому-то такой человек в особенности может быть назван эгоистом, однако в ином значении слова, чем то, которое обозначает собою нечто постыдное. Разница настолько велика, насколько жизнь разумная различна от жизни, подверженной страстям, и насколько стремление к прекрасному различно от стремления к кажущейся пользе. Все любят и хвалят тех людей, которые всеми силами стремятся к осуществлению прекрасного; если бы все люди боролись и состязались в осуществлении прекрасного, тогда общество достигло бы того, в чем оно нуждается, а каждый отдельный человек имел бы величайшее из благ, если добродетель – величайшее благо»⁹.

Таким образом, с любви к себе в разумном своем стрем-

⁹ Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 189.

лении начинается и любовь к обществу и государству, которая может стать только тогда всеобщим благом, когда человек откажется от эгоизма, согласно Аристотелю.

В философии известного представителя позднего этапа развития греческой культуры – эпохи эллинизма – Эпикура, проблема любви также играет важную роль. Его интересовало место любви прежде всего в земной жизни каждого отдельного человека, поскольку Эпикур, в отличие от Платона, был материалистом. Он признавал, что любовь и дружба являются одними из наиважнейших ценностей. Эпикур учил, что настоящая любовь должна быть основана на общности взглядов и радости, которые она приносит человеку.

В философии Эпикура любовь понимается в контексте дружбы. Дружбу он ценил даже выше любви. Он верил, что истинная дружба возникает из взаимного уважения, взаимной поддержки и разделяемых ценностей между друзьями. Для Эпикура дружба была неотъемлемой частью счастливой жизни и способом достижения удовлетворения.

Он также учил, что «любовь к мудрости», или философия, является одной из самых высоких форм любви. По его убеждению, познание и понимание мира и самого себя являются ключом к счастью и благополучию:

«Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией; ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перзрелым для здоровья души. Кто говорит,

что еще не наступило или прошло время для занятия философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья или еще нет, или уже нет времени. Поэтому и юноше и старцу следует заниматься философией: первому – для того, чтобы, стараясь, быть молодому благами вследствие благодарного воспоминания о прошедшем, а второму – для того, чтобы быть одновременно и молодым, и старым вследствие отсутствия страха перед будущим. Поэтому следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь»¹⁰.

Таким образом, для Эпикура любовь представляла собой нечто возвышенное, что приносит удовлетворение и счастье каждому человеку. Он видел в любви и дружбе фундаментальные основы индивидуального бытия, без которых жизнь человека не будет обладать полнотой и счастьем.

Большое значение феномену любви и его роли в жизни человека придавали стоики – еще одна известная философская школа периода эллинизма. Любовь как понятие занимает важное место в их творчестве. Стоицизм – это философская система, основанная на принципах разума, мудрости и этических установках. В этом контексте стоики подходили к понятию любви с особой философской перспективой.

Последователи этой школы почитали природу и считали,

¹⁰ Эпикур. Письмо к Менекею. Электронный ресурс: www.symposium.ru/ru/node/9958.

что человек должен уметь принимать мир таким, какой он есть, не сопротивляясь объективным обстоятельствам, которые выше и сильнее человека. Однако во власти человека находятся собственные чувства и эмоции, которые позволяют ему осмысливать обстоятельства и изменять сферу внутренней мотивации по отношению к последним, чтобы обрести гармонию с окружающим миром.

Также стоики считали любовь величайшей добродетелью и уделяли особое внимание ее этическим аспектам. Они призывали любить все человечество и учили своих последователей проявлять сострадание и примирение. Согласно стоикам, истинная любовь связана с внутренним миром человека и его духовным развитием. Они считали, что любовь не должна зависеть от внешних обстоятельств или чувственных удовольствий. Они рассматривали любовь как проявление внутренней мудрости человека и его способности преодолеть эгоистические желания и стремления.

Стоики учили, что истинное счастье и любовь возникают в человеческой душе и не должны зависеть от внешних факторов. Любовь, полагали они, может помочь человеку преодолевать страдания и испытания в жизни. Они призывали своих последователей к принятию неизбежности страданий и верили, что через любовь к ближнему и милосердие можно найти покой и умиротворение даже в сложных ситуациях.

Философия стоиков наиболее ярко была представлена в Древнем Риме, например, Эпиктетом и Марком Аврелием.

Их работы, о которых мы поговорим чуть ниже, подчеркивали значимость любви к другим людям, любви к мудрости и любви к добродетели. Они учили, что любовь является одним из ключевых факторов в построении гармоничных отношений со всем окружающим миром.

В эпоху позднего эллинизма тема любви получает особую трактовку в трудах основателя мистического течения, неоплатонизма – Плотина. Любовью как космической силой пронизан у Плотина весь универсум. Любовью руководствуется душа, которая устремлена в царство вечных идей и к центральному благу – Единому. Наиболее яркое толкование любви у Плотина мы встречаем в творчестве выдающегося отечественного мыслителя Алексея Лосева. Вот что он пишет по поводу трактовки любви у Плотина:

«Тут впервые попадаетея нам понятие, имеющее такое центральное значение в платоновской и вообще в античной эстетике: это – понятие любви. Надо отбросить все “понимания” этого предмета, которые несет с собою курносый мещанин, хотя у этого последнего и очень хороший европейский фрак (фактический или в идеале). В дальнейшем мы еще встретимся с этим учением у Плотина, и мы увидим, что Эрос у него – это прежде всего космическая потенция. Но чтобы не сбиться с толку, а главное, чтобы не потерять античной специфики, нужно уже теперь твердо зафиксировать ряд таких положений.

1) Бытие, чтобы определить себя, нуждается

в инобытии, переходя в него и отождествляясь с ним. Делается это так, что возникает процесс становления (где сливаются бытие и инобытие), который, однако, чтобы не перейти в бесконечное рассеяние, должен где-то остановиться и превратиться в ставшее.

2) Эта элементарная диалектическая конструкция существует на всех ступенях диалектического процесса – в неодушевленной, органической, психической и прочей жизни.

3) Уже в органической жизни эта конструкция выявляется как жизнь пола. Бытие, эйдос, семя, зерно, это – мужское начало. Оно, чтобы определить себя, нуждается в инобытии, в материи, в женском начале. Для этого оно переходит в него, насаждает себя в нем, ищет себя в нем, отождествляет себя в нем, любит его. Но становление переходит в ставшее, стихия любви зацветает образом, и вот – появляется ставшее, плод, рожденное, которое можно понимать смысловым образом (это будет красота, то есть лик любимого) и фактически (это будет реальное рождение).

4) Мужское, женское, любовь и порождение (как смысл и образ-красота, как новое бытие-дитя), вся эта диалектика пола совершается на всех ступенях бытия. Так любят телесное, так одна душа любит другую, так душа совокупляется с умом и ум – с Единым, превысшим ума.

Любовь, следовательно, есть не чувство, но процесс онтологический, а именно она в точном диалектическом смысле есть становление (то есть

взаимопронизанность бытия и инобытия). И красота есть не чувство, но образ любви, то есть муже-женское становление, перешедшее в ставшее – однако смысловым образом ставшее. Отсюда выясняется ближайшая диалектическая связь красоты и любви, при которой прекрасным может быть только то, что любимо, а любимым может быть только то, что прекрасно. Вспоминая выше сформулированное учение Плотина о “внутреннем эйдосе”, мы теперь уже сможем полностью охватить концепцию “душевного” эйдоса. А именно, поскольку внутренний эйдос души предполагает, что последняя не только собрана воедино вместо обычной распушенности и рассеянности, но еще и несет на себе эйдос ума, поскольку здесь ум обрuchается с душой, интеллигибельная сущность самосознания перевоплощается в текучее инобытие души и через нее вожделеет возвратиться к самому себе. Но возврат к самому себе есть возврат к чисто смысловому бытию. Следовательно, стихийность души зацвела здесь неподвижным, умным эйдосом»¹¹.

Другими словами, по А. Лосеву, «внутренний эйдос души» – это и есть эйдос любви к Единому, и в этой любви слито все в гармонии – и красота, и созерцание, и бытие, и небытие. Красота есть образ любви, а любовь есть внут-ренняя жизнь красоты, они гармонично связаны друг с другом. Душа у Плотина мыслится как Афродита Ура-

¹¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики в 8 т. Т. 6. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. С. 344–345.

ния, то есть так же, как и у Платона, то есть как небесная, космическая сила. Поэтому любовь для Плотина имеет космическое значение. Любовь у Плотина – сущность души, смесь бытия и небытия, ума и материи, богатства и бедности. Лишь Единое осуществляет в себе полноту бытия; вся остальная природа в разной мере стремится к воссоединению с ним.

Таким образом, у Плотина любовь всегда соприсродна душе. Любовь олицетворяет у Плотина жизненный процесс как бесконечное движение, восхождение к Единому. Любовь к вечному есть принцип истинной жизни и одновременно созерцание и единение с космическим принципом мироздания – Единым.

Любовь соприсродна не только душе человека. Она соприсродна, сопричастна искусству и философии, поскольку так же, как музыка и философия, она преображает душу человека, возвращает в человеке личность. Важным условием становления человека как личности, и эта мысль звучит не только у Плотина, но и во всей античной культуре в целом, являются эстетические и художественные переживания. Индивидуальная любовь дает человеку возможность постигнуть глубину вещей, но и от нее, согласно Плотину, необходимо бежать к той особой любви, которая есть Единое (чистый ум). Только математика и диалектика, дающие особую организацию ума и всего человека, есть подлинное и настоящее искусство, искусство жизни, а все остальное, осо-

бенно чувственные удовольствия и наслаждения – суета.

В целом, древнегреческая культура и философия представили множество проявлений любви, осмыслили ее как средство самосовершенствования человека, постижения истины, воплощения красоты и духовной гармонии с миром. Они охватывали разные формы любви – от эмоциональной привязанности до эротических устремлений и духовного познания.

Именно в Древней Греции, которая стала оплотом демократии, уважения к человеческой личности, появилась проблематика любви. Ведь существование любви невозможно без личности и без осознания и себя, и другого как личности. Без другого человек не сможет совершенствовать самого себя, считали древние греки, обнаруживать смысл жизни, совершать самоотверженные и благородные поступки.

В древнем Риме любовь занимала важное место в культуре и обществе и была предметом обсуждения и размышлений в литературе и философии. Римляне так же, как и древние греки, рассматривали любовь с различных точек зрения и раскрывали ее разные аспекты.

Мы уже указывали на римских философов – стоиков Эпиктета и Марка Аврелия – которые развивали тему любви в своих сочинениях.

Эпиктет полагал, что истинная любовь должна быть рациональной и мудрой. Для Эпиктета любовь не должна основываться на чувственности или страсти, которые, по его

мнению, нестабильны и временны. Он призывал к построению любви на высших ценностях, таких, как добродетель, мораль и разум.

Истинная любовь, согласно Эпиктету, должна быть безусловной и нести в себе доброе отношение ко всем людям. Он утверждал, что забота о благе других как проявление любви является важной составляющей человеческой жизни. Такая любовь требует от человека доброты, сострадания и понимания по отношению к другим людям, даже к тем, кто причиняет зло и несчастья.

Эпиктет призывал избегать привязанности к внешним вещам и людям, поскольку это может привести к страданию. Он говорил, что человек должен любить других людей, но не быть зависимым от них. Природа человека свободна, и любовь придает человеку внутреннюю силу и мудрость, направленную на доброе отношение к другим людям:

«Достояние души, знания и добродетели, безраздельно принадлежащие своим владельцам, не уменьшаются в них, если другой человек получит в них участие, но даже, наоборот, увеличиваются. Ибо они возбуждаются и воспаляются в душах принимающих в них участие и многократно возрастают, передаваемые другому, и, словно при ударе кремня о металл, появляется единый свет истины и божественной жизни. Кроме того, друзья, тянущиеся к истинному благу и правильно организованному разуму, пользуются одним мерилom пользы. Для них

обоих существует общее благо и единый правильный разум. А поскольку мерило, определяющее полезное и вредное, приятное и тягостное, является общим в душах друзей, то они неизбежно должны соединяться между собой, а все разногласия и ссоры – устраняться. Но если у друзей нет общего мерила здравого смысла, то они неизбежно должны расстаться»¹²

¹² Эпиктет. Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни); Симпликий. Комментарий на «Энхиридион» Эпиктета. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 263.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.